

УДК 070.421
ББК 76.1
М-21

Мальцева Раиса Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры электронных СМИ и новых медиа Кубанского государственного университета, т.:8(861) 2758246;

Абрамова Галина Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры издательского дела, рекламы и медиатехнологий Кубанского государственного университета, т.:8(861) 2758246.

«ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ» В ЖАНРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ (рецензирована)

В статье раскрываются категории «пространство» и «время» в жанре путешествий, приводятся некоторые наблюдения этих категорий в текстах «Хождения» игумена Даниила и «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

Ключевые слова: жанр путешествий, пространство, время.

Maltseva Raisa Ivanovna, Doctor of Philology, professor of the Department of Electronic Media and New Media, Kuban State University, tel.: 8 (861) 2758246;

Abramova Galina Alexeevna, Doctor of Philology, professor of the Department of Publishing, Advertising and Media technologies, Kuban State University, tel.: 8 (861) 2758246.

‘SPACE’ AND ‘TIME’ IN THE GENRE OF TRAVELLING (Reviewed)

In the article the categories of "space" and "time" in the genre of travel have been revealed, observations of these categories in the texts of "Traveling" of Abbot Daniel and "Traveling beyond three seas" of Afanasii Nikitin have been given.

Keywords: genre of travel, space, time.

Литературно-публицистический жанр путешествий реализуется на русской почве как синкретический благодаря проникновению опыта средневековых латинских хроник, обширно представленных в публицистике западноевропейских стран. Русских и европейских авторов отличали различные философские и психологические основы жанра.

Хождения и хроники в русском публицистическом опыте преобразуются в произведения особого онтологического свойства: основу дискурса составляет пространственный нарратив. Русский путешественник описывает категорию пространства, западноевропейский – категорию времени.

Изучение пространственно-временного континуума в сочинениях русских средневековых путешественников актуально с научной точки зрения, поскольку приоткрывает завесу архаических представлений о пространстве и времени как основных концептах русской картины мира.

В настоящей работе приводятся некоторые наблюдения этих категорий в текстах «Хождения» игумена Даниила и «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

Прежде чем приступить к рассмотрению произведений, напомним, что древнейшие этимологические схождения подтверждают неразрывность пространства и времени в славянской модели мира. Например, В.Н. Топоров упоминает о некоторых «спациолизованных» (от ит. spazio «пространство, космос») обозначениях времени: русск. Время – из и.-евр. *uert-men – «вертеть, вращать», т.е. двигаясь, совершать «круг, поворот, оборот», его развертывание в пространстве, как в др. – инд. vartman «путь, тропа» (ср. vi-varṇa «разворот»). Те же схождения пространства и времени отмечаются в латинском языке: tempus «время», «сезон», «погода», «случай», «круг» и паронимическое templum в значении «открытое место», «святилище, храм» [18; 20].

С.М. Соловьев в своих публичных лекциях приводит любопытную закономерность [13], опираясь на записки Геродота, посетившего нынешнюю Южную Россию, особенности русского мировидения: ход событий подчиняется пространственным характеристикам жизни. Позволим себе привести отрывок из записок Геродота, который использовал С.М. Соловьев:

Однообразие природных форм ослабляет областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинакие потребности указывают одинакие средства к их удовлетворению, - и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью

одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними.

Бескрайнее географическое пространство служит организационным элементом жанра, его структурная основа преобразуется в эстетическую. С.Н. Травников считает, что литература паломнических хождений, существовавшая до конца XIX века, «пошла не по пути эволюции жанра, поиска новых форм, тем, идей, а по пути консервации традиций, следования средневековым формам и канонам, что привело жанр к самоликвидации» [15: 67]. Для русского автора линейность повествования связана с описанием пространственных характеристик пути следования, атрибутивные составляющие категории пространства – фактологический материал, доступный только очевидцу, изначально призванный рассказать о географии и культуре описываемых мест. Даже «Хождение» игумена Даниила представляет собой не сакральный дискурс в чистом виде, а содержит реалистические описания Иерусалима и его окрестностей.

Игумен Даниил пробыл в Палестине с 1106 г. по 1108 г. и описал свое путешествие не позже начала 1113 г. Он дал русским писателям образец светского описания чужих мест, которому они более или менее точно следовали до XVII века. Его литературная манера прослеживается у светских путешественников Афанасия Никитина и Василия Гагары. Вот как описывает увиденное игумен Даниил в одном из фрагментов своего «хождения»:

Ефес «обилен есть всем добром»; на острове Самосе «рыбы многы всякы и обилен есть всем островот»; остров Икос «богат вельми всем, и людьми и скотом»; ... И жита добра ражаются около Иерусалима в камених том без дожда, но тако божиим повелением и благоволением родиться пшеница и ячмень изрядно: едину бо кадь всеяв и взяти 90 кадей, а другоуци 100 кадей по единой кади... суть виногради мнози... и овощнаа дресеса многоплодовита, смокви и ягодиция и масличие, и рожци и ина вся различнаа дресеса.

Как в мифе и сказке, пространство, представляемое Даниилом, неоднородно. Спокойный и плавный, полный деталей, линейный нарратив дороги позволяет ему осмыслить увиденное, сравнить свое и чужое пространство.

Отношение западноевропейских писателей к этой категории было несколько иным. Обратимся к некоторым специфическим представлениям европейцев о географическом пространстве и идее движения. С одной стороны, преобладают боязнь дали, стремление к локальной обособленности и замкнутости. Казалось, все удерживает человека европейских городов от попыток покинуть отчий кров: опасности, неосведомленность об отдаленных землях, психологическая зависимость от определенного круга обязанностей и соответствующего места в пространстве средневекового мира. Сословная личность изолирована от других субъектов и ограничена соответствующими пределами: пространство рыцаря ограничивается его замком, священника – его приходом, ремесленника – его мастерской, крестьянина – его наделом [5; 11; 17].

С другой стороны, свободные города-коммуны порождают новый психологический и социальный тип – купца, конкистадора, ученого-путешественника. Так, купцы, или mercatori, Венеции и Генуи, которые доминировали в средиземноморской торговле, отваживаются на экспедиции в дальние страны [19]. В этих городах самосознание купечества получает новые стимулы для своего развития [17]. Эти путешественники не боятся пространства, но в своих записках-хрониках повествуют не о пути, а о времени.

Возникает жанр хроники. Европейский путевой очерк основывается на хронологическом, темпоральном нарративе. Примерами могут служить наиболее типичные произведения данного жанра: повествования путешественников-купцов, в частности, «Книга» Марко Поло, отчеты о миссиях на Восток да Плано Карпини XIII в., Виллема Рубрука XIII в.; в эпоху Великих географических открытий XV-XVI вв. – сочинения Б. де Лас Каса, бортовой журнал Х. Колумба, письма Америго Веспуччи, Джованни ди Морелли, Боннакcorso Питти (1374-1396) и мн. других [19; 12].

Представим отрывок из произведения Боннакcorso Питти, в котором временной аспект событий является основой жанра.

В лето господне 1412 я, Бонакcorso, сын Нери, сына Бонакcorso, сына Маффео, сына Бонсиньоре, сына другого Бонсиньоре деи Питти начал записывать в этой книге для памяти все, а также буду записывать здесь кое-какие воспоминания о жизни и поступках некоторых из названных наших предков, и особенно тех, коих я лично видел. (...) В указанном году совет «Десять балии» получил от некоего пизанского священника сообщение, что в Пизе есть одни давно замурованные ворота [3].

Европейский автор использует чужой опыт, приводит сведения и суждения, принадлежащие другим людям. Русский автор ограничивается собственными впечатлениями. Западные европейские хроники в качестве композиционного компонента включают обязательные

фрагменты исторического свойства, русские описывают настоящее. Таким образом, писатель-путешественник создает новую для этого жанра темпоральность повествования. Этому следует, например, Джованни Виллани [9].

Джованни Виллани – флорентийский хронист, историк и государственный деятель, итальянский банкир, должностное лицо, дипломат и летописец – является автором Nuova Cronica (Новой Хроники). Это одно из наиболее значительных произведений флорентийской публицистики и культуры XIV века.

В этом же 1310 году, 30 сентября, во Флоренцию приехал король Роберт на обратном пути из Авиньона, где он был коронован папой. Король остановился в доме Перуцци даль Парладжо, и флорентийцы устроили в его честь празднество с рыцарским турниром и поднесли ему богатые подарки. Он пробыл во Флоренции до 24 октября с тем, чтобы примирить между собой враждующие партии гвельфов и договориться о противодействии императору. Выборы состоялись 20 октября 1343 года. [4].

Представления пространства в итальянских хрониках в средние века отражают вовсе не географические сведения, а католическое мировоззрение, и структура пространства подчинена идеологическим установкам – мыслится как католический континуум. Параболический образ времени подтверждает незыблемость мироустройства [10:12, 14]. Ориентация в таком пространстве затруднена, опирается она не на стороны света, а на административное деление страны, откуда движется путешественник [10:196-197].

В русской публицистике изменения жанра и стиля, обусловленные социально-политическими реалиями, преобразуют мотивации жанра путешествия. Хожение, основанное на факте паломничества, сменяется путешествием, имеющим политические и торговые цели [7]. Первым таким путешествием является «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Это дневниковые записки реального человека, описывающие его путешествие в Индию (1466-1472). После него жанр путевого очерка приобретает обязательные черты: 1) автором является сам путешественник-очевидец; 2) его записки объективны, повествование документально; 3) сообщаемые факты объясняются и типологизируются [1].

В произведении Никитина выделяются две ведущие темы: доминирующая – путевые заметки и рассказ об изведанных и неизведанных странах; рецессивная, или вертикально-контекстная, – конфессионально-публицистические размышления о вере, о воздействии религиозно-чуждого окружения на внутренний мир православного христианина [8].

Несмотря на внешнюю простоту, произведение по своей глубине многослойно. Первый содержательный пласт содержит описание реального путешествия, реальных событий, приключившихся с Никитиным, реальной окружающей жизни. Здесь все оценивается с практической точки зрения, купеческой пользы.

Например, автор пишет: *Мне залгали псы бессермены, ано нет ничего на нашу землю: все товар белой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево. Ино возят ачеи морем, ини пошилины не дают. А люди иные намъ провести пошилины не дадут. А пошлин много, а на море разбойников много...*

Второй пласт повествования отражает состояние православного человека в среде иноверцев. Афанасий Никитин дает советы православным читателям: *О благовернии рустии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многие беды впадают и веры ся да лишают крестьянские* Он приходит к печальному выводу.

Ино, братья русьстии, кто хочет пойти в Ындейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да воскликну Махмета, да пойдѣ в Густаньскую землю.

Любопытно, что итальянец Никола де Конти, побывавший в Индии в конце XV в., так и поступил: он принял магометанство и обзавелся семьей в Индии. Но Афанасия Никитина тянет на Родину, он любит Русскую землю: *Да сохрани божь земля русскую, Божь сохрани! Божь сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей! Некоторые вельможи Русской земли несправедливы и не добры. Но да устроится Русская земля!.. Божь! Божь! Божь! Божь! Божь!*

Из этих пяти призываний имени Божьего первое написано им по-арабски, второе по-персидски, третье и четвертое по-русски, пятое по-татарски. На всех языках славит Никитин Русскую землю [16].

Как и современный путевой очерк, «Хождение» Никитина реалистично и пестрит деталями. Детализация усиливают доверие к автору-путешественнику. Морем он добирается до Ормуза на острове. Там впервые видит приливы и отливы. Концепты «человек» и «природа» под его пером не антагонисты: эти две стихии находятся не в состоянии постоянной борьбы, а в состоянии сотрудничества, и эта черта характеризует новый нарративный элемент путевого очерка. Следует сказать, что природа в путевых очерках петровского и послепетровского периода была вполне лояльной по отношению к человеку, а он к ней [1].

Внимание к деталям показывает талант писателя-купца. Он направляется на *таве* (индийское судно без верхней палубы) с конями за море Индийское. Пространственный код Никитина включает многочисленные топонимы. Он упоминает Комбей, где родится краска и лак, являющиеся для Индии основными продуктами экспорта, кроме пряностей и тканей, затем называет Чаул. Сюда Афанасий прибыл морем, и именно здесь он получил первые впечатления от Индии:

Люди ходят нагие, не покрывая ни головы, ни груди, волосы заплетают в одну косу. Князь их носит покрывало на голове и на бедрах; бояре ходят с фатой на плече, а другой на бедрах.

Путешественник сообщает исторические сведения бытового и культурологического характера. К примеру, привез жеребца в Индийскую землю», за которого заплатил сто рублей, однако в Джуннаре хан отобрал у Афанасия жеребца, узнав, что купец не мусульманин, а русин.

Афанасий Никитин объездил всю Индию: побывал и в священном городе Индии, Парвате, познакомился с религиозными обычаями, не раз посещал столицу тогдашней Индии – Бедер (Бидар):

Двор бедерского султана окружен стенами с семью воротами. В воротах сидят по сто сторожей да по сто писцов, которые записывают имена всех входящих и выходящих; иностранцев не пускают.

Принято считать, что путешествие расширяют сознание и обостряет чувства [6], в чужих краях путешественник видит и чувствует иначе, чем дома, его внутренне сразу расширяется за счет новых эмоций и впечатлений, он замечает и специфику сельского хозяйства, и состояние армии, и способ ведения войны:

Бой ведут все больше на слонах, сами в доспехах и кони. Слонам к голове и бивням привязывают большие кованые мечи... да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками, да со стрелами.

Особенно интересуют Афанасия вопросы веры. Он сговаривается с индусами пойти в Парват – то их Иерусалим, то же, что для бесермен Мекка. Он удивляется, что в Индии семьдесят четыре веры, а разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся...».

Скитаясь по городам еще полгода, Афанасий добирается до порта – города Дабхола. За два золотых он отправляется до Ормуза на корабле через Эфиопию. Ему удалось поладить с эфиопами, и судно не ограбили.

Из Ормуза Афанасий посуху идет к Черному морю и добирается до Трабзона. За одну золотую монету он договаривается дойти на корабле в Крым до порта Кафы. Начальник охраны города принял путешественника за шпиона и ограбил его. Осень, непогода и ветры затрудняют переход моря.

Описание длинного путешествия усталый и ограбленный Афанасий Никитин заканчивает криком души.

Море перешли, да занес нас ветер к самой Балаклаве. И оттуда пошли в Гурзуф, и стояли мы тут пять дней. Божиею милостью пришел я в Кафу за девять дней до Филиппова поста. Бог творец! Милостию Божией прошел я три моря. Остальное Бог знает, Бог покровитель ведает. Аминь!

В традиционной русской модели мира с пространством связывается воля, которая предполагает экстенсивную идею, лишённую целенаправленности и конкретного проявления, однако у Никитина чужие страны связываются с неволей, и он испытывает счастье только тогда, когда покидает чуждые просторы. Даже море как традиционный поэтический символ жизни и свободы у Никитина переосмысливается в опасную преграду между родным и чужим мирами.

Умной и разносторонней наблюдательностью записки Афанасия Никитина выделяются среди других европейских географических сочинений XV-XVI вв. Выдающийся востоковед И.П. Минаев, рассматривая труд Никитина, находит в нем «не один драгоценный факт, важный для понимания староиндийской жизни и просмотренный его современниками, заходившими в Индию» [13].

Литература:

1. Балина М. Литература путешествий. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=4543.
2. Бранка В. Боккаччо средневековый. М., 1983.
3. Бонаккорсо Питти. Л.: Наука, 1972.
4. Виллани Джованни. Новая хроника или история Флоренции. М.: Наука, 1997.
5. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М, 1989. 152 с.
6. Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и

современность. 2000. №1.

7. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А.П. Горкина. М.: Росмэн, 2006.

8. Мальцева Р.И. Итальянские медиа. Парадигмы времени. Краснодар, 2012. С. 16-24.

9. Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в средневековой Европе. М., 1998.

10. Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

11. Соколов В.С., Виноградова С.М. Периодическая печать Италии. СПб., 1997.

12. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева; коммент. С.С. Дмитриева, Л.П. Дойниковой. М.: Правда, 1989.

13. Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина // ЖМНП. 1881. № 6. 166 с.

14. Травников С. Н. Путевые записки петровского времени. М., 1987. 67 с.

15. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7-8. С. 366-368.

16. Средневековый человек и его мир. URL: http://swotanaliz.ru/eratostbenes/pravo/Srednevekovy_chlovek_i_ego_mir.html

17. Топоров В.Н. Пространство и текст. Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227-284.

18. Mercanti scrittori, 1986. URL: http://medieval_culture.academic.ru/43/купцы.

19. Sandrone A.V., Coda C. Dizionario latino-italiano. Libritalia, 2002.

References:

1. Balin M. Literature of Traveling. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=4543

2. Branka B. Medieval Boccaccio. M., 1983.

3. Bonaccorso Pitti. L.: Nauka, 1972.

4. Villani Giovanni. New chronicle or history of Florence. M.: Nauka, 1997.

5. Gurevich A.Y. Culture and society of medieval Europe through the eyes of its contemporaries. M, 1989. 152 p.

6. Zamyatin D.N. Image of the country: structure and dynamics // Social Science and modernity. 2000. No. 1.

7. Literature and Language. Modern Illustrated Encyclopedia / Ed. Gorkin. A.P. M.: Rosman, 2006.

8. Maltseva R.I. Italian media. Paradigm of the time. Krasnodar, 2012. P.16-24.

9. Melnikova E.A. The image of the world. Geographical notions in medieval Europe. M., 1998.

10. Dictionary of Medieval culture / Ed. A.Y. Gurevich. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003.

11. Sokolov V.S., Vinogradova S. M. Periodical Press in Italy. SPb., 1997.

12. Soloviev S. M. Readings and stories on the history of Russia / Comp. by S. S. Dmitriev; comm. S. S. Dmitriev and L.P. Doinikova. M.: Pravda, 1989.

13. Old India. Notes on "Traveling beyond three seas" of Afanasii Nikitin // ZhMNP. 1881. №6. 166 p.

14. Travnicov S. N. Travel notes of Peter's time. M., 1987. 67 p.

15. "Journey Beyond Three Seas" of A.Nikitin // Library of the Literature of Ancient Rus. St.Ptb., 1999. V. 7.- 8. P. 366-368.

16. Medieval man and his world. URL: http://swotanaliz.ru/eratostbenes/pravo/Srednevekovy_chlovek_i_ego_mir.html

17. Toporov V.N. Space and text. Text: semantics and structure. M., 1983. P. 227-284.

18. Mercanti scrittori, 1986. URL: http://medieval_culture.academic.ru/43/купцы

19. Sandrone A.V., Coda C. Dizionario latino-italiano. Libritalia, 2002.